

Елена Жемкова: «Справедливость для жертв, наказание для преступников»

12.06.2024.

Photo © N. Sikorsky

В рамках цикла лекций, посвященных 50-летию с момента издания «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына, в Фонде Яна Михальского выступила исполнительный директор Zukunft Memorial (Германия).

С Еленой Жемковой мы познакомились почти ровно год назад, когда приняли участие в [учредительном собрании](#) швейцарской секции «Мемориала». На тот момент правозащитная организация, борющаяся за восстановление исторической правды и сохранение памяти, была уже запрещена российскими властями, коллектив авторов Международного Мемориала уже был удостоен Литературной премии Яна Михальского за 2021 год за книгу [«Знак не сотрется»](#), а сам «Мемориал» уже получил [Нобелевскую премию мира](#), в октябре 2022-го. Так что очень обрадовались, увидев Елену Жемкову среди приглашенных Фондом Яна Михальского [спикеров](#). И расстроились, увидев, что в зале опять мало русскоязычных – удивительно, что наша история продолжает больше интересовать иностранцев, тем более что выступала Елена Жемкова по-русски, с синхронным переводом на французский.

Тема конференции была сформулирована, как «Память от ГУЛАГе». Мы не можем полностью воспроизвести трехчасовую встречу, программа которой включила в себя два документальных фильма, рассказ о Владимире Кара-Мурзе и показ фотографий польского исследователя Томаса Кижни из книги «Большой террор в СССР 1937-1938», о которой Наша Газета в свое время подробно [рассказывала](#). Так что ограничимся сокращенным пересказом беседы Елены Жемковой с французским публицистом и исследователем [Тьерри Уолтоном](#), уже известным нашим читателям.

Елена Жемкова и Тьерри Уолтон © NashaGazeta

Т. У: Каким образом советское наследие продолжает давить сегодня на россиян?

Е. Ж.: Мы находимся сегодня в таком страшном времени, когда очень важно понимать, откуда это время пришло, вернулось, какое наследство мы получили. Надо понимать, что советский период продлился очень долго, не одно поколение. 70 лет, в сравнении с германским рейхом, например, это принципиально дольше. Кроме того, надо понимать масштаб: даже по минималистским подсчетам «Мемориала» прямых жертв террора было около 12 миллионов. К этому надо добавить жертв голода, которых никто так до конца и не посчитал, добавить всех депортированных и членов семей всех репрессированных, и тогда речь пойдет уже о десятках миллионов. Жестокость режима была беспрецедентной: за 18 месяцев большого террора только расстрелянных было более 700 тысяч человек, еще многие сотни посажены в тюрьмы и отправлены на долгие сроки в лагеря. Эти репрессии коснулись всех без исключения слоев населения, людей всех национальностей, всех возрастных групп. Поэтому, **говоря о наследии, нужно в первую очередь упомянуть унаследованный россиянами страх. Мы видим сегодня, как быстро этот страх возвращается: даже не приходится пугать, надо только напомнить, и страх вернется.** Во-вторых, мы получили в наследство неверие людей в законы и в право, в то, что закон их защитит. В-третьих, мы получили людей, проникнутых двоемыслием, циников. Это страшное наследство сейчас стремительно возвращается.

Какие следы остались от всего этого? Конечно, остались государственные и

ведомственные архивы, но в течение долгого времени мы не могли в них попасть, а сейчас опять не можем. Осталась семейная память с ее семейными архивами, но люди часто не хотели, боялись об этом говорить, сознательно отказывались хранить эту память – родители не хотели травмировать детей. Наконец, от ГУЛАГа остались какие-то материальные следы, но редкие, не поддерживающиеся и очень быстро исчезающие.

Как создавался «Мемориал»?

Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, будто «Мемориал» начала маленькая группа людей, среди которых была и я. Желание людей знать правду о прошлом было настолько сильным и охвачено им было столько людей, что «Мемориал» возник, как на школьном опыте по химии, когда в насыщенный раствор опускают пылинку, и из прозрачного раствора вдруг начинает расти кристалл. Большая наша удача состояла в том, что к нашей группе молодых энтузиастов сразу присоединились люди, которые ранее много лет занимались тем же самым, на добровольных началах. Увы, их уже нет в живых: Арсений Рогинский, Лариса Богораз, Сергей Ковалев... Затем началась обычная, скучная, тяжелая, черная работа.

На первый наш съезд приехали представители шестиста организаций из 600 городов, больше тысячи человек, причем не только из СССР. Именно тогда в своем выступлении Арсений Рогинский предложил заводить архивные карточки, чтобы восстановить судьбу каждой жертвы. О том же говорил на первом собрании академик Сахаров: **пока судьбы будут неизвестны, наша работа должна продолжаться.**

Елена Жемкова © NashaGazeta

С тех пор прошло 35 лет. Какой итог Вы подводите?

Довольно трудно в нескольких словах подвести итог трех с лишним десятков лет работы многих людей. Но попробую. Во-первых, нам удалось создать сеть, установить связь между людьми в разных странах, для которых важна эта тема. Во-вторых, нам удалось продвинуть ключевую идею «Мемориала», которая состоит в том, что для того, **чтобы нормально жить в сегодняшнем дне, необходимо понять и переосмыслить прошлое, что нельзя построить правовое государство, не добившись справедливости для жертв и наказания для преступников.** К моему огромному сожалению, мы оказались правы, и сегодняшняя жизнь это подтверждает: ненаказанные преступления прошлого позволяют этому страшному прошлому вернуться.

Многого достигли мы и практически: были собраны архивы, созданы коллекции, открыты музейные центры, изданы книги, проведены многочисленные выставки и конференции. Тема прошлого стала понятной. Наконец, была создана важнейшая база данных с короткими биографиями жертв политических репрессий – их в ней три с половиной миллиона. Называя эту цифру, я всегда задаю себе вопрос: насколько мы были успешны, если знать, что биографий должно быть как минимум двенадцать миллионов? Правда, три с половиной были собраны без всякой помощи государства: с его помощью мы за тридцать лет смогли бы собрать всю информацию. А так – меньше четверти, это мало. Но сколько людей смогли все же узнать о судьбе своих близких и восстановить историю своей семьи!

Были ли эти архивы доступны для людей до запрета «Мемориала»?

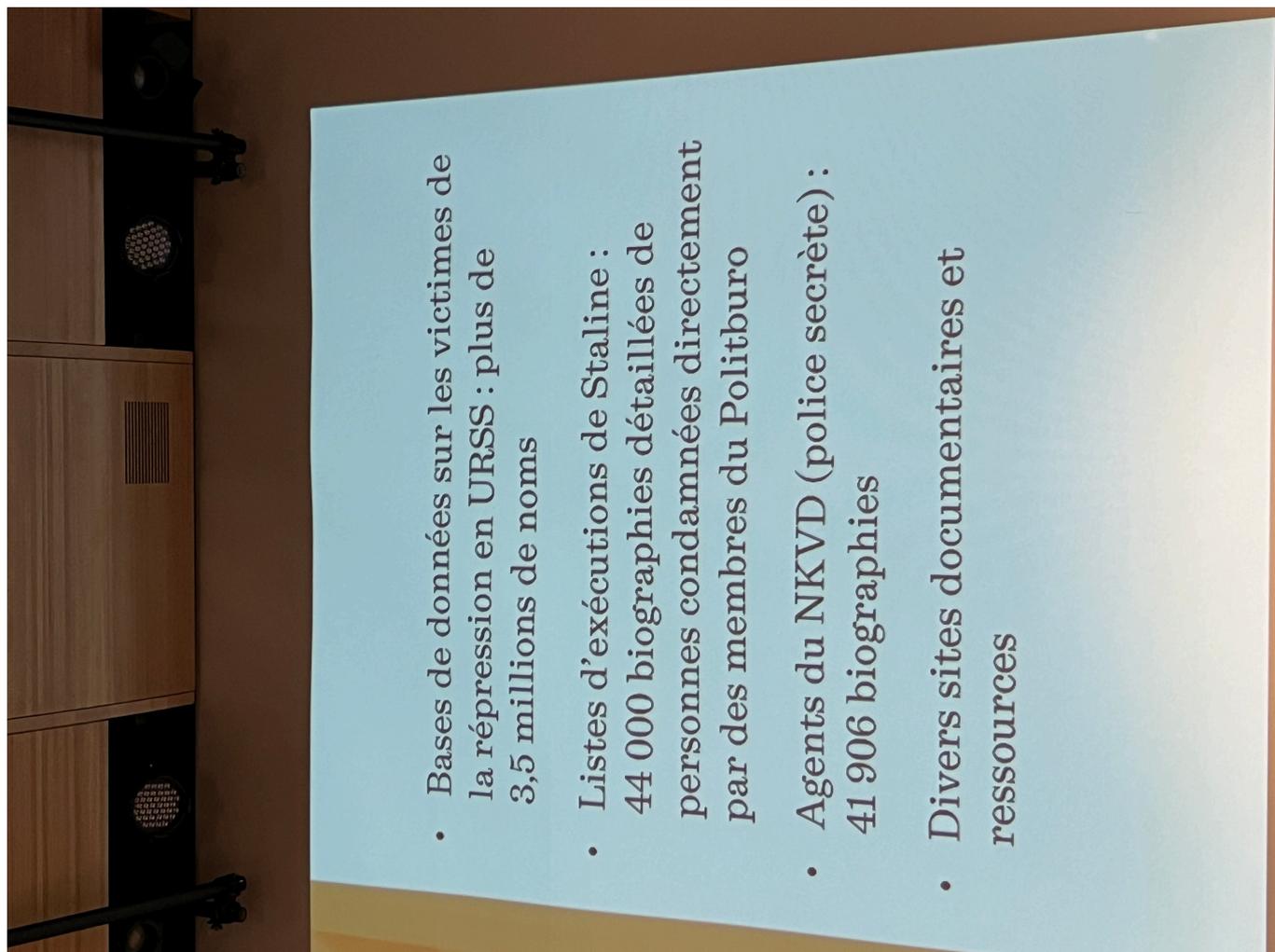
Да, конечно. Важно понимать, что речь идет не только об архиве в Москве. Люди в разных регионах России и за ее пределами собирали такие архивы, с которыми можно было ознакомиться на выставках и через публикации. Но уже лет десять назад мы поняли, что этого слишком мало, что необходима дигитализация, чтобы увеличить доступ. Я рада, что многое в этом направлении мы сделать успели – документы, относящиеся к периоду ГУЛАГа, оцифрованы уже на 90%, сейчас идет подготовка к их открытию для всех, намеченному на осень.

Какого рода документы собраны в этих архивах?

Самые разные! Например, помимо собственно документов, записано очень много устных свидетельств, собрано очень много – больше 40 тысяч! – работ школьников, по нашему призыву проводивших исследования. Есть много документов, связанных со Второй мировой войной и судьбами гражданского населения, угнанного на принудительные работы.

Вы упомянули о работе, ведущейся в других странах. Какие страны Вы имели в виду?

Надо понимать, что, когда начинался «Мемориал», это еще был Советский Союз. После его распада работа по осмыслению советского прошлого продолжилась в новых независимых государствах, образовавшихся на его месте, что сразу сделало ее международной. Ведется она также в Германии, в Италии, в Чехии, во Франции, в Польше...

© NashaGazeta

Сожалее ли Вы о чем-то, что сделать не удалось?

Формула «справедливость для жертв, наказание для преступников» не работает по отдельности. По первой ее части нам удалось сделать довольно много, но очень мало – по второй. Даже реабилитация жертв была не только не полной, часто она была еще и возмутительно жалкой, недостаточно публичной. Федеральный Закон о реабилитации жертв политических репрессий, принятый в октябре 1991 года, предусматривал возмещение в размере 10 евро (!) за каждый месяц, проведенный в лагерях. Многие отказались получать эти деньги, потому что это унижительно! А государство ссылалось на свою «бедность». Предоставленные по этому закону льготы также постепенно сокращались, вплоть до 2005 года, когда режим Путина их отметил, заменив на мизерные выплаты. То есть опять обманули!

Принципиально важно и то, что очень часто преступники не были наказаны. Да, мы знаем, что в Германии процессы на военными преступниками были не полными и тянулись много лет, но они были! В России не было ни одного, а в качестве объяснения говорилось: «ну они же все уже умерли, наказывать некого». Никто и не был наказан.

Еще один важный момент. У жертв репрессий отняли не только свободу и честные имена, но и все имущество, у тех, кого депортировали, предварительно конфисковывали буквально всё. Ничего не было возвращено, если не считать компенсацию в размере десяти тысяч рублей за огромный дом в деревне – это просто

смешно!

И последнее. Не была проведена люстрация ни авторов совершившихся преступлений, ни их исполнителей и участников. Более того, не утихают разговоры о том, что Сталин ни о чем не знал, не ведал. Но «Мемориал» создал важный на мой взгляд ресурс, который называется «Сталинские расстрельные списки» – это факсимиле списков на 44 тысячи человек, подписанных лично Сталиным и членами Политбюро. Никто из них не понес наказания.

© NashaGazeta

В некоторых странах попытки люстрации переродились в охоту на ведьм, как в США. Если это не было сделано до сих пор, вряд ли есть надежда, что сделано будет?

Позиция «Мемориала» всегда заключалась в том, что информация о совершенных преступлениях должна быть известна. Имена преступников должны быть известны. Честно скажу, я не была сторонницей люстрации, ориентируясь в этом вопросе на позицию самих бывших узников ГУЛАГа – они не хотели мести, они хотели гласности. А для этого нужны были судебные процессы, юридическое закрепление преступлений как таковых. О не похороненный труп, лежащий на дороге, продолжаешь спотыкаться.

Принципиальным проигрышем я считаю то, что дело о Коммунистической партии было проиграно в Конституционном суде несмотря на то, что мои коллеги по «Мемориалу», выступавшие в качестве независимых экспертов, подготовили большое

количество документов. Завершись оно иначе, за ним могло бы последовать системное разбирательство, но этого не произошло. Так что сделать предстоит еще очень многое.

От редакции: Приведенные на встрече статистические данные произвели на публику огромное впечатление, как и прозвучавшие в исполнении пианиста Яши Немцова произведения Всеволода Задерацкого (1891-1953), сочиненные им в ГУЛАГе в 1937-1938 годах: этот родившийся в Украине композитор, выпускник Московской консерватории по классам фортепиано, композиции и дирижирования, давал уроки рояля царевичу Алексею, сыну Николая II.

[международное общество Мемориал](#)
[история СССР](#)

Source URL:

<https://www.rusaccent.ch/blogpost/elena-zhemkova-justice-pour-les-victimes-punition-pour-les-criminels>